

Максим Горький

Ошибка

Максим Горький

Ошибка

«Public Domain»

1895

Горький М.

Ошибка / М. Горький — «Public Domain», 1895

Впервые напечатано в журнале «Русская мысль», 1895, номер 9. Рассказ включался во все собрания сочинений. Рассказ основан на одном из эпизодов жизни Горького в Тифлисе в последних числах декабря 1891 года. Прототипом Кравцова был грузин Г. Читадзе, сын крестьянина, деятель революционного движения. Около заболевшего Читадзе дежурили его товарищи, революционно настроенная молодёжь; среди них был и Горький. Печатается по тексту, подготовленному Горьким для собрания сочинений в издании «Книга».

Содержание

Ошибка	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Ошибка

Сельский учитель не у дел, Кирилл Ярославцев, опершись локтями о стол и туго сжав виски ладонями, смотрел тупыми глазами на рассыпанные пред ним статистические карточки и пытался выдавить из своих утомлённых работой мозгов представление о том, что же надлежит теперь делать с этими четырёхугольными листами бумаги?

Это никак не удавалось ему. В голове глухо шумело, и ему казалось, что она налита чем-то густым и тяжёлым, что больно давит изнутри на глаза, стремясь излиться наружу. Цифры с карточек то вдруг исчезали, то появлялись и снова холодно и сухо свидетельствовали о чём-то; иногда они уменьшались до крохотных, неясных каракулек и вдруг вырастали в крупные, странные и поджарые фигуры. Ярославцев следил за их игрой и чувствовал, что в нём, где-то глубоко, вырастает и формируется тяжёлая и беспокойная мысль. Она ещё была неясна ему, но она непременно появится, и тогда ему будет ещё хуже и больнее, чем теперь.

Последнее время его стали всё чаще и чаще преследовать эти мысли, гнетущие душу. Окрашивая всё в тёмный цвет, сырые и холодные, точно осенние тучи, они оставляли за собой на душе ржавчину тоски и тупого равнодушия ко всему. Было что-то роковое в медленности, с которой они формировались в сознании, и никогда и ничем ему не удавалось задержать их рост и развитие. Он делал такие попытки: вставал из-за стола, ходил по комнате и пел или шёл к кому-нибудь из знакомых, но они заглушали песню и всюду ползли за ним, не оставляя его и вне дома.

Сначала он упорно боролся с ними, но потом увидел, что эта борьба не влечёт за собой никаких последствий, кроме утомления души, и всегда ведёт к тому, что они давят его сильнее, становясь образнее и ярче от его сопротивления им. Тогда он уступал, и уж если чувствовал, что вот они идут, то валился на диван и, заложив руки под голову, отдавал себя во власть им.

Так оставался он часа по два, по три, а иногда и целые ночи, как бы расколотый на две части, причём одна, от времени становившаяся все меньше, жалобно и беспомощно следила за другой, которою овладели эти тяжёлые думы, перетиравшие, подобно жерновам, всё хорошее и светлое, что есть в жизни, и всё, чем наделяет её мечта, в сухую, бесцветную, едкую пыль.

Он лежал, упорно глядя в потолок да слушая биение своего сердца и звук маятника часов в комнате квартирной хозяйки. Так-так! Так-так! – мерно бил маятник и точно подтверждал своим уверенным и твёрдым звуком справедливость того, что навязывали думы сознанию Кирилла Ивановича. Наконец он привык к ним и только чувствовал смутный страх, когда они давали знать о том, что идут на него. Потом этот страх временно исчезал, подавленный их работой, и вдруг через некоторое время являлся снова.

Но он являлся уже в новой форме – в форме тоскливой, ожидающей, неотвязной боязни, которая всё возрастала и всё напряжённое ждала какого-то страшного факта.

Кириллу Ивановичу казалось, что вот появится нечто суровое и торжествующее, появится, станет у дивана и, грозя, ехидно скажет:

– А ведь я вижу, о чём вы думаете! Вижу. Я всё вижу; самомалейший изгиб вашего мозга мне ясен. Как же вы решаетесь думать о том, что не подлежит ведению вашему, – ведению человека, к жизни непричастного и от неё отторгнутого, а? Как же это вы, государь мой? А вы знаете, что за это вас можно... – и он покажет, что за «это» можно сделать с человеком.

Представляя себе такую картину, Ярославцев вздрагивал и жалобно смотрел на дверь.

Дверь была тоненькая и хлипкая, а крючок проволочный. От посещения этого всезнающего существа она не оградит и – ничто не оградит от его посещения. Ярославцеву казалось, что оно проникло бы и сквозь каменные стены. И в ожидании его он страдал, вздрагивая при каждом шуме, и чувствовал, что эта тоскливая боязнь, с каждым своим возрождением, стано-

вится всё сильнее, охватывает его всё крепче и вот-вот она возрастет, поглотит его... и тут уж воображение останавливалось перед чем-то тёмным, полным леденящего душу ужаса.

«Как избавиться от всего этого? – думал он в более светлые моменты и отвечал себе: – Подчиниться. Пусть оно совершенно охватит меня, и тогда я перестану его чувствовать...»

И в этот раз он тоже хотел было лечь на диван, но вдруг услышал торопливый скрип двери за свою спиной, быстрые шаги и утомлённый голос:

– Вы дома? Ну, наконец, нашёл одного!.. Ф-фу!

Кирилл Иванович обернулся на стуле и увидел одного из знакомых статистиков, которого в бюро прозвали Минорным. Он сел на стул и, держа в одной руке белую фуражку, другою вытирал со лба крупный пот. Лицо у него было бледно и измято, глаза воспалены, и весь он производил впечатление человека, крайне уставшего.

Ярославцев крепко, молча, с удовольствием пожал ему руку. Этот человек своим появлением отдалял приступ дум.

– Бегал по жаре, как сумасшедший, – никого! – говорил Минорный, с неудовольствием поджимая губы, и, зажмурив глаза, нервно провёл по ним пальцем, как бы смахивая с ресниц что-то.

– А кого вам нужно? – хотел спросить Кирилл Иванович, но не успел.

– Вот видите что... вы только, пожалуйста, не отказывайтесь... потому что я больше не могу! Две ночи напролёт возился, будет! Это свинство со стороны всех.

Да, ведь я не сказал вам, в чём дело... Этот... как его?.. Кравцов! Сошёл с ума... да! Третий день... Всё, знаете, говорит, говорит, чёрт не разберёт, что такое! Впрочем, иногда очень сознательные и умные вещи. Ну, так вот... я был при нём кряду два дня и больше не могу... Страшно устал. Он буен, если ему противоречить, лезет драться.

Ерундит страшно! Начал мазать стены ваксой... Разделся донага и давай себе чистить щёткой голую грудь. Воображает себя гением добра и дерётся. Смешно и жалко... Бывает доктор. Хлопочут о помещении в больницу, но всё так медленно. А главное, возмутительно формальны и черствы мы все! Приходят, знаете, посмотрят на него в дверную щель, посочувствуют и удерут. Всем некогда, у всех какие-то дела явились. Я больше не могу, уверяю вас! Пойдите вы, голубчик, а? Там теперь Лыжин... Вы, я знаю, мало знакомы были с этим несчастным; но разве это теперь не всё равно? Не так ли? Вы пойдёте?

– Да, я – конечно. Я могу – хоть сейчас! – медленно протянул Кирилл Иванович.

– Именно сейчас! – внушительно и торопливо воскликнул Минорный и пояснил:

– Этот Лыжин и остался там только на условии, что его часа через два сменят... Вот и прекрасно... идите-ка! Вы сильный, вам это будет нетрудно. И как это я не догадался давеча прямо к вам махнуть?.. Не измаялся бы так... Ну, так вы идёте?

– Хорошо... идёмте.

Минорный поднялся со стула, быстрым жестом бросил себе на голову фуражку, поправил её и, отворив дверь, оглянулся на Ярославцева.

Последний задумчиво и медленно натягивал на себя пальто, закусив нижнюю губу и упорно глядя на ноги Минорного.

– Знаете что? – живо заговорил тот. – Ведь вам известна его квартира? Так идите, милый, один, а я домой прямо, а? Хорошо? Ну, и спасибо! Не поверите, ну, чёрт знает, до чего я...

Заключительные слова фразы Минорный унёс с собой в глубь сеней, и там они были заглушены тонким визгом двери. От этого визга Ярославцев вздрогнул, скорчил болезненную гримасу и опустился на стул, побуждённый к этому гнетущей тяжестью сообщения Минорного.

Как только Минорный сказал фамилию Кравцова, Кирилл Иванович воспроизвёл перед собой фигуру человека среднего роста, сухого, угловатого, нервного, с чёрными, всегда вздрагивавшими усами и с горящим, блуждающим взглядом миндалевидных чёрных же глаз. По морщинистому белому лбу этого человека страшно двигались густые брови, то всползая к жёст-

ким, ершистым волосам, то вдруг спрыгивая вниз и совершенно закрывая впадины глаз. В разговоре он иногда удерживал одну бровь – левую, прижимая её длинным пальцем левой же руки; это не мешало другой брови всползать к волосам, и тогда всё лицо говорившего перекашивалось и принимало мучительно острое выражение напряжённого желания проникнуть куда-то недостижимо для других, глубоко, и постичь что-то непостижимое никому. Глаза же в это время метали искры, и в них было целое море не то тоски, не то мучительного восторга.

Давно уже все считали его человеком ненормальным, и он каждый день подтверждал этот взгляд, высказывая сегодня желание учиться математике, чтобы постичь тонкости астрономии; завтра – уйти в деревню, чтобы обрести там равновесие души; уехать в Америку и бродить в степях, конвоируя гурты скота; поступить на фабрику, чтобы развивать среди рабочих теории социализма; учиться музыке, ремеслу, рисованию. Необходимость для себя всего этого он доказывал всегда уверенно и ясно, а если его оспаривали – с бешеной горячностью. Главным источником своих желаний он выставлял чувство самосохранения.

«Ничего не делая, погибнешь чересчур глупо для человека. Все скоты делают нечто, я же человек и должен творить!» – вспомнил Кирилл Иванович две его фразы.

Принято было называть его «метафизиком» за такие и другие, в этом же роде, речи.

Он никогда не умел привести строго логических доводов в пользу того или другого из своих воззрений, поступков, желаний и всегда отделялся краткими афоризмами в догматическом тоне, и за пристрастие к таким афоризмам считался человеком, живущим прежде всего для громкого слова. К нему привыкли и не обращали на него особенного внимания. Ярославцев, встречаясь с ним, никогда не пытался представить себе, с кем он имеет дело, вполне полагаясь на чуткость и верность взгляда тех людей, которые дали Кравцову эпитет ненормального и психопата.

Но теперь этот Кравцов вдруг стал мучительно интересен. Дней пять тому назад Кирилл Иванович вместе с ним катался в лодке и ничего особенного не заметил за ним.

Они сидели в лодке рядом, и он своим отрывистым стилем, но веско и вполне ясно для него, Кирилла Ивановича, доказывал, что демонизм, символизм и иные болезненные формы мысли есть бешеная, но необходимая реакция против распространения материализма и что кредит материализма скоро и непременно будет подорван в глазах всех мыслящих людей. Кирилл Иванович снова вспомнил металлически звеневшие фразы:

«Причина современного шатания мысли – в оскудении идеализма. Те, что изгнали из жизни весь романтизм, раздели нас донага; вот отчего мы стали друг к другу сухи, друг другу гадки. Ещё мы не настолько психически окрепли, чтоб без вреда для себя до конца выслушивать правду. Кто знает, может быть, высшая истина не только не выгодна, но и прямо-таки вредна нам?»

«А что же теперь говорит этот человек, – теперь, когда он сумасшедший? И что такое быть сумасшедшим?»

Ярославцев вспомнил, что кто-то определил сумасшествие, как преобладание деятельности какого-нибудь одного из свойств психики над всеми другими, а ещё кто-то – как поражение памяти каким-либо одним фактом или мыслью.

Ему представилась внутренность какого-то пружинного механизма: массы спиральных пружин сокращаются и расширяются, взаимно сообщая друг другу силу и движение, и из этого движения рождается мысль. Вдруг одна из пружин почему-то начинает сокращаться сильнее других – полная путаница среди остальных, пока они не возьмут нового такта или пока она не возьмёт старого такта. Или вдруг в их систему вторгается извне нечто тяжёлое, поражающее и падает как раз на ту пружину, что записывает прошедшее, и вот она, поражённая ударом, не может уж больше отметить чего-либо иного и вечно пишет одну и ту же мысль, воспроизводит одно и то же впечатление.

«Всё это очень просто и очень жалко. Зачем нужно, чтоб человек сходил с ума? Разве на его долю мало всех иных болезней и несчастий?» – подумал Ярославцев и вспомнил, что ему нужно идти туда, к больному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.